

Мозговой В. И. Национальный язык и государственность в контексте Донбасса / В. И. Мозговой. // Новые горизонты русистики. Научный журнал. Выпуск 7. – Донецк : ДонНУ. – 2019, с. 137 – 145. (204 с.)

УДК 81'27

В. И. Мозговой

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ДОНБАССА

Освещаются проблемы государственности в многонациональных языковых сообществах, исходя из политики по отношению к национальному языку. Описываются противоречия, связанные с акцентируемым взглядом на язык общения, и подчёркивается важность культурно-языковой общности. Постулируется, что государственность устанавливается не декларативно, а приобретает вместе с осознанием и принятием большинством культурного потенциала всех языков, функционирующих в государстве, независимо от национальной принадлежности его граждан.

***Ключевые слова:** языковая политика, национальный язык, государственный язык, языки национальностей, региональный язык.*

Определение статуса языков, функционирующих в условиях противопоставленных мировых тенденций – глобализации и борьбы за сохранение национальной самобытности, – акт чрезвычайной ответственности для государственных структур, принимающих те или иные решения в конкретной ситуации, кажущейся им понятной, естественной и обоснованной. Ситуативная конкретность, однако, может превратить политику в инструмент, повышающий риск национального обособления и социального расслоения. Парадокс конкретности состоит в том, что изменяющаяся геополитическая ситуация толкает её новых adeptов на провозглашение новой «титупной нации» или нового «коренного народа». От амбиций «национального большинства» начинают в этом случае страдать конкретные социальные коллективы, оказавшиеся заложником принятых правящей элитой решений.

Находясь в фарватере политиков и не имея возможности быстро выработать соответствующий механизм противодействия их субъективной воле, они вынуждены подчиняться конъюнктуре новых законов, игнорирующих существующий языковой баланс и сложившуюся расстановку сил в обществе. Ярким свидетельством произвола властных структур и вынужденного приспособления социума к «диалектике» их

законотворчества являются противоречия в языковой политике Украины. Выросшие до размеров катастрофы в её наиболее многонациональных регионах, они катализировали выход народов Крыма и Донбасса из-под контроля националистического меньшинства. Это была не случайная акция, а закономерный итог якобы «конституционных» мероприятий украинских политиков по пути к уничтожению собственной государственности. Манипулируя понятиями «государственный язык», «языки национальных меньшинств» и «национальный язык», они расшатывали устоявшуюся языковую общность, возможно, неосознанно, но последовательно внедряя в практику социальных отношений пресловутую теорию «окон Овертона».

«В соответствии с данной теорией, всякая существующая в обществе идея или проблема имеет «окно возможностей», в рамках которого данная идея может (или не может) широко обсуждаться, открыто поддерживаться, пропагандироваться и, наконец, приобретать форму императива. Это «окно» подвижно, спектр возможностей может расширяться, начиная со стадии «немыслимое», то есть однозначно неприемлемое, запретное, противоречащее нормам общественной морали, и заканчивая стадией «актуальная политика», то есть уже широко обсуждённое, принятое обществом и легализованное им» [1, с. 304]. Легализацию «немыслимого» вполне «успешно» осуществили украинские «патриоты», внедрившие в социальный организм молодого государства методику шести шагов «окон Овертона»:

- 1) немыслимые;
- 2) радикальные;
- 3) приемлемые;
- 4) разумные;
- 5) стандартные;
- 6) нормативные.

В результате двух первых шагов в социальную среду была запущена риторика украинских националистов, действия которых воспринимались сначала как немыслимые и радикальные:

Донцов Д. (1920 – 30 гг.): «У цій страшній борні за свободу українці мусять виступити як національний моноліт. А це можливо тільки тоді, коли її провід очолить когорта справжніх лицарів ідеї і чину, а не схильна до поступок і компромісів з усім і всіма політична неміч. Поки є неволя, нація має бути в стані воєнного поготів'я і жити не за законами мирного часу, а за вимогами воєнного стану. “Свобода або смерть!” – цим має користуватися як окремих індивід, так і ціла нація» [2, с. 131];

Иванишин В. (1992 г.): «За терор УВО-ОУН український націоналізм не потребує виправдання, бо не підлягає осуду. Не український націоналізм, а польський шовінізм породив його. А кожен окупант повинен усвідомлювати, що приречений ним на загибель народ сам обирає спосіб самозахисту» [3, с. 137];

Пирен М. (2001 г.): «Етноісторичне минуле українського народу засвідчує його одвічне прагнення до загальнолюдських цінностей: самостійності, соборності та демократичного ладу як чинників української національної ідеї. Інше етнічне населення, що проживає в Україні, є етнічними меншинами, які мають рівні права з представниками титульного етносу, проте як громадяни цієї країни, вони мають поділяти провідні цілі титульного етносу в процесі державотворення. Національні атрибути державності – символи, гімн, мова визначаються титульним етносом, а тому, як громадяни, меншини повинні інтегруватися в український етнополітичний організм» [7, с. 67 – 69].

Когда к высказываниям привыкли, была подготовлена почва для следующих двух шагов. В сознание обывателя при помощи конституционных актов

постепенно **внедрялась мысль о приемлемости закрепления украинского языка в качестве государственного**. Общество подкупила при этом 10-я статья Конституции, согласно которой в Украине гарантировалось «...свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств...» [4, с. 5 – 6]. **Сакрализация украинского языка казалась поэтому разумной**, хотя «разумность» была проблематичной из-за понятия «язык национального меньшинства».

Для русского языка это звучало как эвфемизм, поскольку он не относился ни к языку национальности (на нём так или иначе общаются все национальности), ни к меньшинству (для Донбасса, как и для многих других регионов, он обслуживает большинство). Общество, к сожалению, осознало это слишком поздно, когда буква Основного закона потребовала внедрения в практику образования политических по своей сути акций по закрытию русских школ, украинизации прессы и телевидения, дублированию, а затем запрету русских фильмов, культуры и литературы.

Проблема их содержательного наполнения заменилась гибельной для языка и государства идеей изучения русской литературы как зарубежной и только на украинском языке (не знакомятся же украинцы с греческой литературой на греческом и не открываются же греческие школы по всей Украине?!). Разделение русской и украинской литератур произошло на уровне примитивного представления о языке как средстве общения (русская литература – это литература, написанная на русском языке и, соответственно, украинская литература может звучать только по-украински).

В результате смысл общенациональной литературы подменился формой презентации (языком общения), что разрушило как русско-украинскую, так и украинско-русскую и другие общности – из их конструкций был выброшен огромный потенциал общего культурного пространства: феномен Николая Гоголя, Михаила Булгакова, Исаака Бабеля, Владимира Короленко и даже Тараса Шевченко и Марко Вовчок, которые тоже имели в своём арсенале русскоязычные произведения.

Приемлемость и разумность стимулировали позже националистический захват власти в Киеве, что, в свою очередь, спровоцировало отсоединение Крыма и Донбасса от Украины.

Но этот факт не отрезвил, а усилил аппетиты поборников «национальной идеи», вплоть до разжигания ими военного конфликта. **Идеология С. Бандеры, сформулированная первоначально в виде лозунгов, которые можно было обсуждать («Боремося не тільки з імперіалізмом, але й з російським народом» и «Україна для українців»)**, согласно теории «окон Овертона» превратились в стандартные, а затем **узаконенные, нормативные шаги, которые нужно было выполнять**. Но нормативность была уже обеспечена соответствующими постановлениями и «законотворческими инициативами».

1. Постановлением Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». Проведением такой политики в жизнь занялся специально созданный для этого «Украинский институт национальной памяти», занимающийся искоренением этой самой памяти. Именно он давал рекомендации о правильных или неправильных культурно-исторических акциях и переименованиях всех неугодных городов, посёлков, и объектов городской инфраструктуры. Наибольший урон он нанёс Донбассу, где во всех регионах, в том числе неподконтрольных Украине, было переименовано не только то, что было связано с коммунистической идеологией, но и с фактами российской, русской и советской истории. Так на карте мира появились объекты с «двойной номинацией»: *Красноармейск* и *Покровск*, *Тельманово* и *Бойково*, *Красный Партизан* в *Бетманово*,

Юнокоммунарск и Бунге, Кировское и Крестовка, Комсомольское и Кальмиусское, Тринадцатая Рота и Калинино, Красный Лиман и Лиман, ул. Молодогвардейская и ул. Героев Украины (г. Славянск), ул. Лазо и ул. Героев Небесной Сотни (г. Краматорск) и т. п.

2. Изменением законодательства (2014 г.), предписывающего создание Украинской автокефальной православной церкви и обязывающего Украинскую православную церковь Московского патриархата изменить название на Русскую православную церковь, что привело, таким образом, к духовному расколу в украинском обществе по принципу веры, языка и национальности.

3. Законом «О функционировании украинского языка как государственного», который пятнадцатого мая 2019 г. был принят Верховной Радой даже вопреки мнению большинства: государственный язык объявлялся обязательным в официальном общении не только для учреждений и госслужащих, но и всего общества.

Жонглирование понятиями «русский патриотизм и украинский национализм», «Украинская автокефальная» и «Русская православная церковь», «государственный и официальный язык», «языки национальных меньшинств и язык национальности» превратилось в идиоматическую игру, в которой значение не выплывало из суммы компонентов. Терминологическая путаница свидетельствовала о неразработанности теории языковой политики, которая приводила к проблемности украинско-русских, украинско-европейских, восточно- и западноукраинских отношений, катализируя идеологию превосходства титульной нации.

Последний тезис закреплялся появлением национализма как узаконенного движения и сопровождался унижением «нацменьшинств» (всё равно: русских ли, украинских, татарских, греческих, русинских, польских или венгерских), корни которого можно тем не менее обнаружить ещё в XIX в., в котором уже формировались, с одной стороны, понятия «великодержавности», а с другой, – «титульной нации» и «национального меньшинства».

Именно таким образом можно интерпретировать книгу «Украинское движение» исследователя малороссийской истории А. В. Стороженко (псевдоним Андрей Царинный), украинца по происхождению, который искренне исповедовал идею великой России: «Мы лично, родившись и проведя... почти полвека сознательной практической жизни в глубине Левобережной Малороссии... можем засвидетельствовать и подтвердить, что нам никогда не представлялось надобности обращаться к «мове»... «Украинцы» – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит всё русское... Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский*. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!» От польск. *hanba*)... «Украинская идея» – это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто повторяется о тюркских кочевниках, что они «заратишася» на Русь, то есть пошли на Русь ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь – в области культурной: они хотели бы стереть всякий след «русскости» в исконной, сердцевиной, Малой (в греческом понимании) Руси. Все русское для них – предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения» [8, с. 116 – 119].

Подобные высказывания можно слышать и сегодня, хотя для природы современной цивилизации и государственности не может быть приемлем ни национализм, ни великодержавный шовинизм. Время эмоционального детства и незрелой юности, которое вынуждало народы идти наощупь дорогой межнациональной

вражды бесповоротно прошло. Оно обязано смениться эпохой осознанной политики, в которой множественность культур, экономик, религий и равноправных языков является необходимым условием существования многонационального государства. Выживание человечества обеспечивается сегодня не национальным обособлением, а единством народов, переходящим в союзы социальных систем, способных эффективно противостоять природным катаклизмам и политическим вызовам глобализации, с которыми не может справиться ни одно отдельно взятое «независимое» государство. Оно требовало ещё вчера и ещё больше требует сегодня нового прочтения понятия «**национальный язык**», которое никак не соотносится с «языком национальности», а тем более с «языком национального меньшинства».

В современном контексте национальный язык является средством общности нации. Это тип общенационального мышления, философии и психологии определённого народа, который может материализовываться в разных языковых системах (диалектах, жаргонах, региолектах, фольклоре, литературных языках разных национальностей) и любых проявлениях культуры, искусства, духовности и права (живописи, музыке, архитектуре, танцах, религии, собственных именах) как способах передачи вербальными и невербальными средствами национального мыслеобразующего процесса.

Форма языка проявляется в специфике фонетической, лексической или грамматической систем, т. е. речи, а духовность и культура – в сущности национального мировосприятия, т. е. в национальном языке. Поэтов, художников, музыкантов, религиозных или политических деятелей следует оценивать не по месту рождения, национальности, языка общения, вероисповедания, а по тому, какую философию и психологию они выражают своими поступками или творчеством.

Так, Н. В. Гоголь, В. Г. Короленко, М. А. Булгаков – как русские, так и украинские писатели, несмотря на русскоязычность их произведений; художники И. К. Айвазовский, армянин по национальности, или грек А. И. Куинджи – великие русские живописцы; поэт Расул Гамзатов, писавший на русском языке, олицетворяет аварскую литературу; Т. Г. Шевченко или Марко Вовчок, в арсенале которых большое количество произведений на русском языке, представляют украинскую, а не русскую литературу; Дженгиз Дагджи, родившийся в Крыму, большую часть жизни проживший в Лондоне и публиковавший свои произведения на турецком языке, но говоривший в том числе по-русски, – великий крымскотатарский писатель и т. п.

Большой культурной и политической ошибкой, де-факто разрушившей украинскую государственность, является поэтому не только запрет русской культуры, расчленение православия по территориально-языковому принципу или противопоставление народов по отношению к «титальной» нации, но и изучение украинской литературы как литературы, написанной на украинском языке, а русской – как зарубежной. Уничтожение социальных основ формирования национального языка влечёт за собой разрушение нации и государства. Оно при этом инициируется массой якобы патриотических, но по своей сути политико-идеологических деклараций о статусе языков в многонациональном государстве, противоречащих смыслу языка как такового, а тем более сущности национального языка. Их непоследовательность и антинаучность обуславливает непредсказуемость современной языковой политики на всём постсоветском пространстве.

Так, понятия «государственный» и «официальный» рассматриваются как синонимы: «государственный – тот, что имеет отношение к государству», «официальный – тот, что регулируется правительством, т. е. правительственный, служебный». Что касается других политико-языковых терминологических

словосочетаний («язык национальных меньшинств», «региональный», «нетерриториальный», «родной» и т. п.), то их вообще не определяют. Аморфность терминологии порождает спекулятивное отношение к языковым проблемам и позволяет принимать самые противоречивые постановления относительно функционирования конкретных языков в государстве.

Так, русский язык в Украине признаётся то языком национальных меньшинств (Конституция Украины, 1996 г.), то официальным (постановления регионов Восточной Украины и Крыма, 2008 г.), то региональным (Постановление Верховной Рады, 2012 г.), то государственным наряду с украинским (Конституция ДНР, 2014 г.), то государственным наряду с крымскотатарским и украинским (Конституция Автономной Республики Крым, 2014 г.), что провоцирует представителей других национальностей на инициирование такого же статуса для «своих языков» в границах государства, отдельного региона или района.

Проблем между тем можно избежать, если на государственном уровне узаконить те понятия национально-языковой политики, которые способны сохранить культурный потенциал национального языка [5; 6].

1. Государственный – это язык или языки, которые понимает большинство граждан государства независимо от их национальности или территории проживания (например, русский и украинский в ДНР или украинский и русский в Украине). Исходя из этого, статус государственного устанавливается не партиями, референдумами или голосованием и не опорой на «титულную нацию», а объективным функционированием языков в обществе и государстве.

Вненациональный статус государственного языка способствует устранению противоречий между гражданами разных национальностей и укреплению национального языка как средства общности. В то же время предоставление привилегий одному из государственных языков по превосходству национального большинства обязательно провоцирует формирование националистической идеологии и национально-языковую рознь

Государственных языков может быть много, но выпячивание только одного из них, если в государстве понимают два или больше языков, изменяет объективную реальность и создает почву для конфликтности. Об этом с тревогой заявляла А. М. Эмирова ещё в 2011 г.: «Что касается языковой ситуации, то на Украине она, думается, более сложна, чем в бывших союзных республиках, потому что в некоторой оппозиции находятся два мажоритарных языка – украинский и русский, которые, каждый в своём юридическом поле, имеет правовой статус государственных языков, а на территории Украины русский язык, как известно, квалифицируется в качестве национального меньшинства. Однако это лишь поверхностный, формально-юридический уровень противостояния данных языков. В действительности же оппозиция русского и украинского языков восходит к более глубокой содержательной основе: русский язык имеет многовековую практику кодификации и функционирования в различных сферах общественной жизни и, следовательно, более высокий уровень коммуникативного совершенства, в то время как украинский, в силу известных исторических и социально-политических причин, был ограничен в своих функциональных потенциях» [8, с. 144]. Добавим к этому, что государственный язык нельзя отождествлять и с родным языком, на котором человек мыслит и который существует у каждого вне зависимости от наличия или отсутствия в структурированном обществе государственного языка.

2. Высшей формой государственного языка является официальный язык, который юридически представляет государство во внутригосударственных или

международных деловых отношениях. Если государственных языков может быть много (русский и украинский языки в ДНР или украинский и русский в Украине), то государственным официальным должен быть только один (например, украинский официальный в Украине, но русский официальный в ДНР или ЛНР). Вот почему в любой Конституции многонационального государства (а их сегодня в мире большинство) должен быть закреплён не только статус государственных языков, но и обозначен язык юридического (делового) общения (государственного официального языка), что исключает двойное толкование законов при их фиксации в документах.

3. Языки национальностей (но не «языки национальных меньшинств», поскольку такой термин ущемляет права большинства национальностей по принципу развитости / неразвитости) – это языки компактного проживания граждан определённой национальности на определённой территории (например, греческий язык в Донбассе, болгарский язык в некоторых районах Запорожской области и т. п.).

4. Региональный – это язык, находящийся за пределами национального языка, но понятный большинству населения определённого региона (как правило пограничного) вне зависимости от представляющих его национальностей (например, польский язык во Львовской области).

5. Нетерриториальные – это языки, которые используются для общения, но не входят в отдельную языковую общность и не имеют строгой привязки к определённому территориально-государственному образованию (например, английский язык в мире или идиш у евреев). В то же время они могут при этом быть государственными или любыми другими языками в конкретной национально-государственной общности (например, английский язык в Англии)

На территории Донбасса, если он представлен государственными образованиями, для взаимопонимания между его народами должны на равных функционировать два государственных языка (русский и украинский), а для сохранения и развития национального языка должно осуществляться знакомство с культурами всех народов, населяющих этот край. В первом случае методика изучения литературы должна сходиться из принципа равноправия и равнозначности, т. е. изучаться на том языке, на котором она написана (русском и украинском), а во втором – в переводном варианте на русском или украинском языках. В местах компактного проживания граждан определённой национальности должен (или может) изучаться ещё и их родной язык.

Выводы:

1. Беспрепятственное развитие национального языка – главное условие существования современной цивилизации и государственности.

2. Установление политического статуса языков связано с объективной реальностью. Чем больше форм, передающих национальные парадигмы мышления, тем богаче нация, а субъективное подчёркивание преимуществ одной формы над другими, не учитывающее объективное многоголосье современной цивилизации, может привести к отторжению её сути и противопоставлению внешне разных культур и миров.

3. В многонациональном языковом сообществе, каким является Донбасс, почти сплошное двуязычие (русско-украинское или украинско-русское) и региональное многоязычие (русско-украинско-греческое, русско-украинско-татарское и т.п.) является наивысшим национальным достоянием.

4. Высшая цель языковой политики, направленной на будущее нации (формирование её эстетических и культурных идеалов путем знакомства с максимальным разнообразием форм национального языка), не может и не имеет права

подменяться прагматикой единственно возможного способа общения – государственным языком как средством «политической целесообразности».

5. На территории государств, представляющих Донбасс, для взаимопонимания между его народами должны на равных функционировать два государственных языка (русский и украинский), а для сохранения и развития национального языка необходимо знакомиться с культурой всех народов, населяющих этот край. В первом случае изучение литературы должно быть равноправным и равнозначным, т. е. на языке оригинала (русском и украинском), а во втором – в переводном варианте (русском или украинском языках).

6. В местах компактного проживания граждан определённой национальности должен (или может) изучаться ещё и их родной язык.

7. Государственный официальный язык – предмет особого изучения в учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин О. А., Белова И. Е. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования / О. А. Верещагин, И. Е. Белова // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ». 2015. №6 (69). – С. 302 – 307.

2. Донцов Д. За яку революцію? / Дмитро Донцов. – Львів: 1990. – 153 с.

3. Иванишин В. Нація. Державність. Націоналізм. / Василь Іванишин. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1992. – 180 с.

4. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. Стаття 10. – К.: Преса України, 1997. – 79 с.

5. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте / В. И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 3. – С. 163 – 168. – (Серия : Рус. язык и иностр. языки и методика их преподавания).

6. Мозговой В. И. Русский язык в украинском культурном пространстве: язык общения или общности? / В. И. Мозговой // Информационный вестник Форума русистов Украины. Выпуск 15. Симферополь : ЧП «Арти-Юк», 2012. – С. 22 – 28.

7. Пірен М. Національна ідея – стрижнева основа утвердження цінностей громадянського суспільства в Україні / Марія Пірен. // Формування громадянського суспільства в Україні: стан, проблеми, перспективи: Зб. наук. пр. Академії держ. упр. при Президентові України / Кол. авт.; За заг. ред. В. І. Лугового, В. М. Князева. – К. : Вид-во УАДУ, 2001. – С. 65 – 78.

8. Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / А. Царинный – Донецк : Библиотека Славянской партии, 2001. – 138 с.

9. Эмирова А. М. Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях / А. М. Эмирова // Информационный вестник Форума русистов Украины. Выпуск 14. Симферополь : ЧП «Арти-Юк», 2011. – С. 141 – 146.

V. I. Mozgovi

NATIONAL LANGUAGE AND NATIONHOOD IN THE CONTEXT OF DONBASS

Highlights the problem of statehood in multinational language communities, based on the policy toward the national language. Describes the contradictions related to emphasised at all look at the language of communication, and stresses the importance of cultural and

linguistic community. Postulated that statehood is not set declaratively, and sold together with the knowledge and acceptance of the majority of the cultural potential of all languages, operating in the State, irrespective of the nationality of its citizens .

Keywords: *language policy, the national language, the official language, languages of nationalities, regional language.*